

Valérie
Tong Cuong

Валери Тонг Куонг

Валери ТОНГ КУОНГ

Где я

Москва
2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Т57

Valérie Tong Cuong

OÙ JE SUIS

Copyright © Editions Grasset & Fasquelle, 2001

Фото автора © Delphine Jouandeau / Lattes

Перевод с французского Л. Ефимова

Художественное оформление В. Терещенко

Тонг Куонг, Валери.

Т57 Где я / Валери Тонг Куонг ; [пер. с фр. Л. Н. Ефимова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Счастье жить. Проза Валери Тонг Куонг).

ISBN 978-5-699-87776-8

Этот роман перевернул жизнь многих женщин, заставив их распрощаться с иллюзиями. Валери Тонг Куонг рассказывает о героине, которая, как многие из нас, кажется сильной, но на самом деле мечтает стать слабой.

Аньес — охотница. Она собирает необычные трофеи — разбитые мужские сердца. Жажда мести заставляет ее быть коварной и жестокой.

Но как же ей хочется избавиться от призраков прошлого — любить, быть любимой, похоронить те обиды и разочарования, которые заставили ее перестать верить мужчинам.

И когда в ее жизни появляется Жюст, ей кажется, что он — тот, кого она ждала. Что он сама надежность и с ним ей ничего не страшно.

Она позволяет себе расслабиться, забыв, что именно в такие моменты мы наиболее уязвимы и беззащитны.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Ефимов Л., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-87776-8

Сценарий прост и всегда неизменен: зимой я делаю ставку на элегантность и подчеркиваю формы. Летом использую другие приманки: колыхание тканей, соскальзывание бретелек, свежий запах одеколona на коже. Приготовления отработаны до мелочей. Я одеваюсь, затем терпеливо жду конца дня, когда люди выходят со службы. Не то чтобы я ограничивалась охотой на управленца или служащего, но по опыту знаю, что этот промежуток между двумя жизнями благоприятен для душевных и телесных отклонений.

Так что около шести часов я устремляюсь на улицу. Мой опытный взгляд

обшаривает окрестности, выискивает, засекает, опознает. Достаточно походки, задранного кверху подбородка или самодовольной улыбки. Тщеславие из них так и прет, выделяя характерную вонь в гуще торопливой толпы. Годится первый же попавшийся. Я двигаюсь вслед за ним, принаравливаясь к его походке, потом ускоряю шаг и обгоняю. Это ключевой момент, который определит успех предприятия. Я слегка задеваю его, моя голова делает эллиптическое движение, волосы касаются его щеки, я прохожу дальше, исподтишка оценивая ответ. А он утыкается взглядом в мое тело: все, готов. Теперь я оступаюсь и меня заносит. Он пытается меня удержать, но я выскользываю и все оседаю, оседаю, он наклоняется, мне остается только скользить, избегая этих рук, которые пытаются обнять меня, и, наконец, симулируя боль, я притворяюсь испуганной, растерянной и хрупкой.

Его преобразование стремительно: вот он уже герой, прекрасный принц, и чем

больше он размякает, вдыхая мой запах, тем больше растет в собственных глазах — доблестный и великолепный. Как хорошо быть храбрым, когда опасность далеко. Он приподнимает меня за плечи, еще чуть-чуть и кончит. «Как вы себя чувствуете? — шепчет он. — Главное, ничего не бойтесь, ведь я рядом, а кстати, вы меня видите? Слышите мой голос?»

Роль не терпит ошибок: предполагаемая дурнота должна рассеиваться постепенно, поскольку еще ничто не завершено, даже наоборот, все только начинается.

Я выпрямляюсь, меня качает, я хватаюсь за его руку, благодарю, вздрагиваю, вздыхаю. Годы практики научили меня даже бледнеть, когда захочу. Он возбуждается. Может ли он предложить свою помощь? Конечно! Я уже не чувствую ступню ниже этой проклятой щиколотки. Срочно надо проглотить что-нибудь — так завалена работой, что ничего не ела со вчерашнего дня. С ногой, слава богу, вроде ничего серьезного, но

требуется что-нибудь укрепляющее. Не проводит ли он меня до кафе?

Он исподтишка бросает беглый взгляд на часы. Конечно, соглашается, и обвивает рукой мою талию под предлогом поддержки. Контакт установлен: мы идем в обнимку, его затылок напрягается. Он бессознательно выпячивает грудь колесом, прямо как петух, гордый собой аж до того, что чуть аорта не лопается. Уже воображает, как расскажет этот анекдот на службе, и скорее бежит, чем идет к ближайшему бистро, сияя своей самой широкой улыбкой.

Мы говорим. Это единственная область, где порой что-то меняется. Я придумываю себе прошлое в зависимости от рожи клиента. Единственная дочь, с родителями или без, с учебой или без, с работой или без. Для каждого свой маршрут. Я заставляю растрогаться одного, возмутиться другого, но все с жадностью клюют то, чем я их потчую. Потом отправляю мяч обратно, сама задаю вопросы. Он пролетает над их

гражданским состоянием без сюрпризов — я ведь сама инстинктивно выбираю окольцованных, добрых отцов семейств. Слушаю, как они подробно расписывают свою работу и какие они там важные шишки. Потому что внимание: каждый из них это не абы кто, а значительный человек, и он дает это понять. Мельком оглядывает себя в зеркале, поправляет прядь, чокается со мной — я заказала два аперитива, и он не отказался.

Мы уже зовем друг друга по именам. Вы позволите, Аньес? Я прикидываю на глазок предстоящий путь. Две-три недели, самое большее несколько месяцев. Горстка скупо назначенных свиданий, преимущественно в какой-нибудь подворотне или, если это неизбежно, в гостиничном номере: на войне как на войне. И единственное правило: быть с ним на «вы» — в сочетании с любовью и похотью это кружит голову. Надо уверенно восхищаться им, без колеба-

ний перегибать палку, показывать, что очарована. Вскоре он потеряет голову. А убежденный в том, что является покорителем сердец, начнет говорить громче, обижать маленьких и слабых. Каждый вокруг него заметит изменения; впрочем, его жена наверняка кое о чем догадается.

Останется только изничтожить его, обратить в прах. Сыграть эту партию — самая упоительная и лакомая часть игры. Тем не менее мой рецепт доведен до совершенства. В первую очередь нужно увеличить промежутки между встречами, чтобы вызвать у него ломку, стойкий абстинентный синдром. Стать навязчивой, звонить ему откуда угодно и говорить о сексе, постоянно держать его в возбужденном состоянии. Никогда не упоминать ни его супругу, ни детишек. Только твердить ему, насколько он такой, насколько сякой, и как это хорошо, как это славно. Мало-помалу усыпить его.

А потом надо приготовить жертвоприношение. Отталкивать его с мрач-

ным видом, ждать, чтобы он требовал, просил и в конце концов умолял. Быть удрученной, но твердой. Заявить, что мне невыносима эта двойная жизнь, что хочу с ним распрощаться, расстаться навек. После чего терпеливо ждать эпилога.

Мой показатель успеха довольно высок, хотя немного снижается с возрастом. В девятнадцать лет это было сто процентов из ста. Спустя десять лет у меня иногда случаются сбои, но все-таки в большинстве случаев я добиваюсь разрыва. Потому что эти гнусные свиньи сами приходят. Бросают все без малейших угрызений совести и как миленькие прибегают на последнее свидание, которое им удастся вымолить у меня.

— Готово дело, — объявляют они простодушно. — Я во всем признался. Теперь я свободен, Аньес.

Дивные мгновения: прежде чем бросить бомбу, я заранее смакую произведенный эффект. Да ну? Он признался-

таки, дорогое сокровище? А он хотя бы уточнил причину своего ухода — девичья плоть, его неодинаково раздувшиеся эго и член да в придачу размягченные мозги и брюхо?

— Это не смешно, — возражает герой. Он в неподходящем настроении, у всякой шутки есть свой предел. Он только что бросил жену после пятнадцати, двадцати, тридцати лет брака: неужели такой мужественный поступок не заслуживает хоть немного уважения!

О да, сокровище, ты такой храбрый. Как и все тебе подобные. Только вот я не шучу, милый: мы тут сегодня кабанчика режем. Он только что бросил жену? Поздравления от присяжных. Вот еще одна жизнь спасена. А что он думал, этот мудила? Хорош соблазнитель со всем своим салом и спесью! Корчил из себя секс-чемпиона, а сам всего лишь куча говна!

— Но почему, Аньес, почему? — мямлит он перекошенным ртом.

Просто должок, старина. Счет-то на-

бежал неподъемный, вот я и заставляю вас платить в рассрочку.

Он все не может уразуметь, но мне, честно говоря, плевать: важен результат. Вытереть об него ноги напоследок — вот что мне доставляет наслаждение.

— Где мы? — вдруг спросил он.

Мы шли уже около часа. Холодно, можно было сесть в автобус, но я настояла, чтобы пойти пешком. Сжимала его руку в своей и думала только об этом: как же такое стало возможно — сжимать мужскую конечность и получать от этого удовольствие?

Я захотела испытать себя и сжала сильнее, но он высвободился.

— Ты оглохла, Аньес?

На мгновение мне показалось, что он исчезает. Я опять схватила его руку.

— Мы почти пришли. Это совсем рядом.

До квартиры пришлось прошагать еще метров пятьсот, и половину из них по широкой улице, застроенной про-